

Емельяненко Владимир Дмитриевич

МИРОВОЗЗРЕНИЕ В. С. СОЛОВЬЕВА И ТВОРЧЕСТВО Ф. И. ТЮТЧЕВА

В статье раскрывается взаимосвязь мировоззрения, философского и поэтического творчества В. С. Соловьева и Ф. И. Тютчева. Показано, что В. С. Соловьев исходит из целостности художественного наследия поэта и на основе своего мировоззрения "конструирует" его философскую позицию, дополняя вытекающие из логики творчества звенья. При оценке В. С. Соловьевым произведений Ф. И. Тютчева также в значительной степени проявляется мировоззренческая рефлексия мыслителем своего творчества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 76-81. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

PROBLEMS OF GLOBAL ECOLOGICAL IMPERATIVE FORMATION

Durnev Svyatoslav Yur'evich
Irkutsk State University of Communication Lines
Condr1988@mail.ru

The article considers the problem of global ecological imperative formation, which is a normative framework of ecological culture. The main obstacles on the way of its development are revealed, and the methods of their overcoming are suggested. The principle weak points of modern conceptions on the harmonization of relations between society and natural environment are identified. Special attention is paid to the role of motives in the formation of relations in the system "man – society – nature".

Key words and phrases: ecological imperative; society; nature; anthropocentrism; motives; ecological crisis; man.

УДК 140.8

Философские науки

В статье раскрывается взаимосвязь мировоззрения, философского и поэтического творчества В. С. Соловьёва и Ф. И. Тютчева. Показано, что В. С. Соловьёв исходит из целостности художественного наследия поэта и на основе своего мировоззрения «конструирует» его философскую позицию, дополняя вытекающие из логики творчества звенья. При оценке В. С. Соловьёвым произведений Ф. И. Тютчева также в значительной степени проявляется мировоззренческая рефлексия мыслителем своего творчества.

Ключевые слова и фразы: мировоззрение; философское мировоззрение; поэтическое мировоззрение; философско-поэтическое мировоззрение; философское мировоззрение В. С. Соловьёва.

Емельяненко Владимир Дмитриевич, к. филос. н., доцент
Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского
emelyanenko_@mail.ru

МИРОВОЗЗРЕНИЕ В. С. СОЛОВЬЕВА И ТВОРЧЕСТВО Ф. И. ТЮТЧЕВА ©

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ, Проект № 13-13-32001
«Брянский край в философском творчестве Ф. И. Тютчева, В. С. Соловьёва, В. В. Розанова».*

Влияние стихов великого русского поэта Ф. И. Тютчева на творчество В. С. Соловьёва – достаточно известный факт. Однако многие пишущие об этом исследователи-литературоведы изучают влияние художественного творчества Ф. И. Тютчева (или отдельных его сторон), прежде всего, лишь на некоторые аспекты поэзии В. С. Соловьёва [3; 25; 26]. При этом обычно отмечается продолжение В. С. Соловьёвым в своих лирических произведениях романтико-реалистических традиций поэзии А. А. Фета, Ф. И. Тютчева, Я. П. Полонского, А. К. Толстого [23, с. 23; 27, с. 73]. Например, З. Г. Минц указывает на связь стихотворений мыслителя об исторических судьбах России («Дракон», «Ex oriente lux», «Панмонголизм») и его историко-религиозных статей как с традициями славянофильства (прежде всего, поэзии А. С. Хомякова), так и с политической лирикой Ф. И. Тютчева [5, с. 33-34]. Не вызывает сомнений, что его творчество стало закономерным итогом важнейшей эпохи русской поэзии, которая была начата В. А. Жуковским, продолжена Ф. И. Тютчевым и получила свое вполне логичное завершение в лирических произведениях А. А. Фета и самого В. С. Соловьёва [6, с. 11].

Вместе с тем гораздо менее изучено влияние творчества Ф. И. Тютчева на мировоззрение В. С. Соловьёва в целом как фактор, определяющий содержание его философской системы (то есть в более широком контексте). Правда, в ряде исследований констатируется связь художественных образов Ф. И. Тютчева и философских идей В. С. Соловьёва [1; 22; 24; 27]. Например, Н. Г. Юрина обращает внимание на известное стихотворение Ф. И. Тютчева «Два единства» (1870): «–Единство, – возвестил оракул наших дней, – / Быть может спаяно железом лишь и кровью...» / Но мы попробуем спаять его любовью, – / А там увидим, что прочней...». При этом она отмечает, что идея В. С. Соловьёва о возможности реализации национальной миссии России лишь на основе принципов любви и ненасилия восходит именно к этим стихам Ф. И. Тютчева [27].

Был ли В. С. Соловьёв продолжателем не только поэтической, но и философской традиции, представленной Ф. И. Тютчевым? Может ли поэт, отражающий мир в художественных образах, повлиять на философа, имеющего теоретическое мышление? Как и любой человек, мыслитель испытывает влияние чужих идей, однако их воздействие будет заметным лишь тогда, когда они в какой-то степени соответствуют его мировоззренческим принципам. Влияние творчества Ф. И. Тютчева на В. С. Соловьёва нужно исследовать на основе их мировоззренческой близости и через призму не только поэтических, но и философских, а также литературно-критических работ мыслителя.

Как известно, система духовных ценностей мыслителя возникает первоначально в виде мировоззрения как такового. В процессе дальнейшего совершенствования и развития она проявляет себя в качестве философского мировоззрения. Поэтому особенности становления и развития ценностно-мировоззренческих структур личности мыслителя в дальнейшем во многом определяют содержание и направленность его творчества [2, с. 79]. Важными в этом отношении являются характер, сила и последовательность влияющих на философа личностных воздействий. Отличительные черты мировоззрения В. С. Соловьёва – его универсализм и цельность. В разных проявлениях они были замечены многими современниками мыслителя и быстро стали для окружающих привычными качествами его личности [24, с. 250]. В. В. Розанов отмечал, что в характеристике В. В. Соловьёва ничего не надо исключать, все находилось в гармонии – он был и мистиком, и поэтом, и первоклассным ученым, и неустанным мыслителем, и даже шалуном (пародии на декадентов и ряд его публицистических выходов) [8, с. 191].

Универсализм мировоззрения В. С. Соловьёва во многом определила чрезвычайно богатая культурная среда в детстве. Отличительной чертой его личности была исключительная одаренность. К моменту выбора философии в качестве своего жизненного пути он испытал тяготение к самым разным сторонам человеческой деятельности – религии, искусству, науке. Отец мыслителя – выдающийся ученый-историк С. М. Соловьёв. Набожная мать, Поликсена Владимировна, заботилась о том, чтобы в доме исполнялись религиозные обряды, читались жития святых. В. С. Соловьёв рано задумался над мировоззренческими вопросами, отмечая впоследствии, что прошёл «разные фазы теоретического и практического отрицания», мучительно «борясь за оправдание веры» [14, с. 248]. Он получил блестящее гуманитарное образование, окончив филологический факультет (но какое-то время учился и на физико-математическом факультете), много читал, интересовался поэзией. Увлечение стихами в детстве и молодости способствовало формированию у него своеобразного поэтически-философского мировоззрения, где в единстве были слиты эмоционально-образное и теоретическое отношение к миру. Тесную связь между художественным и философским творчеством мыслителя показывают его поэтические, философские и литературно-критические произведения. Универсализм мировоззрения В. С. Соловьёва позволил ему синтезировать самые разные подходы человеческого духа к объективному миру в своем учении о всеединстве. Концепция всеединства включает в качестве центральной идеи представление об идеальном состоянии всего мира, в котором на духовной основе преодолена его раздробленность, отчужденность отдельных элементов друг от друга.

Наиболее важной причиной примерной равнозначности философского и художественного подходов в его творчестве стало то, что становление В. С. Соловьёва как мыслителя протекало практически одновременно с его формированием в качестве поэта. И защита магистерской диссертации, и написание первых 9 стихотворений датированы 1874 годом (известно одно четверостишие 1872 г.). В этой связи неудивительно, что у В. С. Соловьёва почти невозможно провести четкую границу между его поэтическим и философским творчеством [18, с. 563]. Легко объяснимы и «имплицитно» присутствующий в мировоззрении философа иррационально-эстетический компонент, и редкая его способность как мыслителя сочетать образы поэтически конкретные с философски абстрактными образами [24, с. 240].

В написанном В. С. Соловьёвым в 1874 году стихотворении «Прометею» уже имеется идея единства. При этом она понимается как «примиренье» противоположных начал в душе человека: «Когда душа твоя в одном увидит свете / Ложь с правдой, с благом зло, / И обоймет весь мир в одном любви привете, / ... / Преграды рушатся, расплавлены оковы / Божественным огнем, / И утро вечное выходит к жизни новой / Во всех, и все в Одном» [5, с. 242]. В стихотворении 1875 г. «Хоть мы навек незримыми цепями...» мыслитель провозглашает: «И под личиной вещества бесстрастной / Везде огонь божественный горит» [12, с. 256]. В конце молитвы о Софии (1875) мы находим примечательную фразу: «...и да будет Бог все во всем» [4, с. 146]. С одной стороны, из данных отрывков напрашивается вывод, что у В. С. Соловьёва уже имеются идеи, которые впоследствии будут развиты в учение о всеединстве. С другой стороны, возникает впечатление, что стихи молодого мыслителя гармонируют и перекликаются с произведениями недавно умершего (1873 г.) Ф. И. Тютчева. Примечательно и то, что в это же время В. С. Соловьёв входит в круг семьи И. С. Аксакова, где знакомится с дочерью великого поэта А. Ф. Аксаковой, часто и доверительно с ней общается. Известен и интерес В. С. Соловьёва к декламации стихов. Во время пребывания в Красном Роге (Брянский уезд) он читал перед С. А. Толстой, С. П. Хитрово и гостями усадьбы А. К. Толстого как стихи покойного графа, так и других поэтов – А. А. Фета, А. М. Жемчужникова, Ф. И. Тютчева, а также собственные стихотворения [7, с. 18-22]. По воспоминаниям М. С. Безобразовой, сестры В. С. Соловьёва, брат читал стихи «удивительно хорошо, необычайно музыкально, и при этом удивительно просто» [13, с. 176].

Непосредственное влияние поэтических образов Ф. И. Тютчева на свои произведения сам В. С. Соловьёв признавал редко. Так, летом 1883 года во время пребывания в Красном Роге он много трудился над исследованием «Великий спор и христианская политика», посвящённым анализу историко-культурного противостояния Востока и Запада [11]. Он писал И. С. Аксакову, что продолжил работать над «Великим спором» и думает прислать это произведение в начале июля [15, т. II, с. 232]. В статьях на эту тему, которые он отправлял в газету И. С. Аксакова «Русь», излагались идеи о тесной связи славянофильства и религиозного западничества. Статью о всемирной монархии И. С. Аксаков отказался печатать. В этой связи В. С. Соловьёв в письме к нему подчеркнул, что не является автором идеи всемирной монархии, она возникла как «вечное чаяние народов». В Средние века ее отстаивал Данте, а «в наш век за нее стоял Тютчев, человек чрезвычайно тонкого ума и чувства. В полном издании «Всемирного спора» я намереваюсь изложить идею всемирной монархии большей частью словами Данте и Тютчева» [Там же, т. IV, с. 26-27].

Сравнивая исторические взгляды обоих мыслителей, Г. В. Флоровский в работе «Тютчев и Владимир Соловьев» сделал вывод о большом воздействии на В. С. Соловьева историософии Ф. И. Тютчева. Прежде всего, влияние основных ее положений просматривается в работе В. С. Соловьева «Россия и Запад». Отмечается, что впечатление от политических статей поэта было у В. С. Соловьева весьма сильным. Мыслитель услышал у Ф. И. Тютчева новые мотивы и «был ими очень увлечен» [22, с. 3-24]. Сущность предсказаний русского поэта о будущем России В. С. Соловьев видит в том, что именно она станет всемирной христианской монархией, а также внутренне обновит и «внешним образом объединит» все человечество [17, с. 492]. Со своей стороны, в работе «Россия и Европа» мыслитель делает вывод, что национальное призвание России, ее историческая задача «состоит именно в универсально-жизненном осуществлении христианства» [16, с. 157]. Ф. И. Тютчев и В. С. Соловьев – создатели «русской идеи», одной из известных историко-философских концепций России XIX века.

Важный материал для понимания того влияния, которое оказало творчество Ф. И. Тютчева на мировоззрение В. С. Соловьева, дает его литературно-критический труд «Поэзия Ф. И. Тютчева» [17, с. 465-483]. Интерес В. С. Соловьева к изучению художественного наследия Ф. И. Тютчева был обусловлен общностью их мировоззренческих установок, определивших духовную и философскую близость мыслителей. При этом формирование мировоззрения В. С. Соловьева происходило в том числе и под воздействием стихов знаменитого русского поэта. Обращаясь к творчеству Ф. И. Тютчева, мыслитель в известной мере не случайно нашел в ней философскую концепцию, близкую к своей собственной.

В. С. Соловьев раньше уже обращался к творчеству Ф. И. Тютчева в работе «Красота в природе» (1889) [12]. Для иллюстрации своих идей он использует стихотворения поэта «Как хорошо ты, о море ночное», «Не остывшая от зною», «О чем ты воешь, ветр ночной?». С помощью тютчевских образов живой природы В. С. Соловьев доказывает объективность красоты. Через шесть лет философ вновь заинтересовался поэзией Ф. И. Тютчева. Формально В. С. Соловьев выступает как литературный критик. Однако, с одной стороны, в этой критике проявляется мировоззрение самого философа, через призму которого происходит оценка. С другой стороны, сказывается сформированное в молодости положительное эмоционально-личностное отношение к поэту, который уже «ушел в мир иной» и не может сам за себя постоять. Осознанно или неосознанно философ исходит из того, что творчество Ф. И. Тютчева необходимо не критиковать, а скорее защищать.

В. С. Соловьев видит преимущество Ф. И. Тютчева перед многими поэтами в том, что он «сознательно *верил* в то, что *чувствовал*, – ощущаемую им живую красоту принимал и *понимал* не как свою фантазию, а как *истину*» [17, с. 466]. Подчеркивания В. С. Соловьева указывают на то, что он весьма высоко оценивает единство в творчестве поэта веры, художественного и научного подходов к миру. Однако одновременно идея находится в русле концепции всеединства самого В. С. Соловьева, его принципа интеграции всех сторон отношения человека к миру (науки, религии, искусства, морали). Он пишет, что чувству художника непосредственно в виде красоты открывается совершенное содержание бытия. Но оно же добывается философией как истина мышления, а в нравственной деятельности человека выражается как безусловное требование долга и совести. Это только «различные стороны или сферы проявления одного и того же» [Там же, с. 472]. Заметно, что В. С. Соловьев никак не отделяет свою философскую концепцию от художественных взглядов Ф. И. Тютчева (не говоря об их противопоставлении).

Мыслитель высоко оценивает следующее известное стихотворение Ф. И. Тютчева: «Не то, что мните вы, природа: / Не слепок, не бездушный лик – / В ней *есть* душа, в ней *есть* свобода, / В ней *есть* любовь, в ней *есть* язык». Четырехкратно (!) подчеркивая слово «есть», В. С. Соловьев обращает внимание на реальное существование природы, ее всеобщую одушевленность, объективное присутствие в ней Души, Свободы и Любви. Одновременно это показывает, какое большое значение он придает собственным идеям о «душе мира». Характеризуя творчество поэта, мыслитель пишет, что сама душа мира сходилась с поэтом и в блеске молодой весны, и в светлости осенних вечеров; в «сверканье пламенных зарниц и в шуме ночного моря она сама намекала ему на свои роковые тайны» [Там же, с. 467].

Согласно В. С. Соловьеву, русский поэт глубоко захватывает «темный корень мирового бытия», ясно сознает «таинственную основу всякой жизни» [Там же, с. 473-474]. Эта основа представляет собой безымянную бездну, «древний хаос» [Там же, с. 475]. По мнению философа, Ф. И. Тютчев не имеет себе равных в изображении всех тех явлений природы, где ясно ощущается ее темная основа [Там же, с. 476]. В соответствии с принципом всеединства В. С. Соловьев также подчеркивает, что хаос является необходимым фоном любой земной красоты [Там же]. Он доказывает, что божественное, разумное и светлое начало космоса ограничивает и сдерживает темную бездну бытия, постепенно преодолевая ее [Там же, с. 478]. В. С. Соловьев пишет, что поэт умеет читать и понимать (!) таинственные знаки частных явлений как «выражения общей сущности»; «таинственное дело», заговор «глухонемых демонов» характеризуются им в качестве начала и основы мировой истории [Там же, с. 477].

При освещении проблемы любви В. С. Соловьев настолько мало отделял свои мысли от взглядов поэта, что не всегда можно понять, где он говорит от себя, а где – интерпретирует образы Ф. И. Тютчева. Согласно В. С. Соловьеву, любовь представляет собой важнейшее проявление душевной жизни человека, она открывает ее смысл, и в этом отношении поэт яснее и сильнее других художников слова выразил хаотическую и демоническую основу, к которой «он был чуток в явлениях внешней природы» [Там же]. При этом мыслитель пишет, что Ф. И. Тютчев изображает именно «земную» любовь. Однако жизнь души, находящая выражение в земной любви, представляет в сущности своей только *злую* жизнь, смущающую мир восхитительной

природы, она губит и убивает («О, как убийственно мы любим, / Как в буйной слепоте страстей / Мы то всего вернее губим, / Что сердцу нашему милей»). Такова «роковая необходимость земной любви, ее *предопределение*» [Там же, с. 478]. Далее В. С. Соловьев говорит о собственной концепции совершенной любви, которая не только утверждает безусловное значение индивидуальности человека как в другом, так и в себе, но и «оправдывает это безусловное значение в действительности», на самом деле избавляет нас «от неизбежности смерти и наполняет абсолютным содержанием нашу жизнь» [Там же, с. 488].

Мыслитель лояльно относится даже к спорным в глазах общественного мнения идеям Ф. И. Тютчева (оправдание подавления восстания в Польше). Вместо критики или оценки В. С. Соловьев ограничивается замечанием, что его личные чувства к родной стране были весьма многоцветны и сложны, и в них бывали «минутные увлечения» шовинизмом [Там же, с. 480]. В. С. Соловьев признает, что Ф. И. Тютчев не любил Россию тою любовью, которую М. Ю. Лермонтов в свое время называл почему-то «странной». К русской природе он чувствовал, скорее, антипатию. Действительно, для него «север роковой» был лишь «сновиденьем безобразным»; а свои родные места он, не смущаясь, называет *не милыми*: «Итак, опять увиделся я с вами, / Места не милые, хоть и родные, / Где мыслил я и чувствовал впервые» [Там же]. Подобное отрицательное, по крайней мере странное, отношение к Родине и русской природе, казалось бы, должно было побудить В. С. Соловьева к негативной оценке хотя бы этой стороны творчества поэта. Но неожиданно критик из отрицательных посылок делает положительный вывод, что вера Ф. И. Тютчева в Россию не основывалась на «непосредственном органическом чувстве, а была делом сознательно выработанного убеждения» [Там же, с. 481].

Положительно оценивает В. С. Соловьев и христианские мотивы в творчестве поэта, полагая, что обращение к Христу – это тот итог, к которому неизбежно должна была прийти его «вещая душа»: «Пускай страдальческую грудь / Волнуют страсти роковые, – / Душа готова, как Мария, / К ногам Христа навек прильнуть...» [Там же, с. 479]. В. С. Соловьев указывает на надежды поэта на то, что Россия превратится во всемирную христианскую монархию. При этом он просто констатирует эволюцию политических взглядов Ф. И. Тютчева (от планов соглашения Царя с Папой до идей всемирного монархического государства, объединенного не «гнилою тяжестью земного оружия», а любовью, «чистой ризой Христовою») [Там же, с. 481–482]. Далее В. С. Соловьев опять обращается к мыслям поэта, но уже в собственном изложении и обремененным в теоретическую форму, говоря о победе в нравственной борьбе светлого над темным началом в душе России как условия «для исполнения ее всемирного призвания» [Там же, с. 482]. При этом применяются такие словесные обороты, как «допустим, становясь на точку зрения Тютчева», «значит, – можно сказать поэту», «сам поэт признает» [Там же]. Казалось бы, далее последуют критические выводы. Однако их нет. В. С. Соловьев обходит острые углы в оценке творчества Ф. И. Тютчева и в утверждении: «Но что такое это человечество, в чем оно реально воплощается, где его действительное единство? На это у Тютчева был определенный ответ, который я здесь только укажу, не оспаривая и не подтверждая его» [Там же, с. 480].

Сущность политических взглядов поэта В. С. Соловьев комментирует и теоретически излагает, лишь несколько дистанцируясь от него. Вряд ли можно согласиться с Г. Х. Асадулаевой, что, испытав в молодые годы определенное влияние творчества поэта, философ «ко времени написания статьи уже отошел от него» [1, с. 87]. Так, у В. С. Соловьева к началу 1890-х гг. имеются заметно отличающиеся от мнения Ф. И. Тютчева идеи об объединении церковью, но он не вступает в полемику с поэтом. Складывается даже впечатление, что философ и не стремится к какой-либо дискуссии по этому вопросу. Есть и другие примеры того, как в формально критической статье В. С. Соловьев излагает свои философские взгляды; при этом он развивает, но никак не оценивает идеи Ф. И. Тютчева. Например, это рассуждения о смысле жизни человека [17, с. 479–480].

Есть ряд вполне логичных объяснений этому факту, вытекающих как из особенностей В. С. Соловьева как личности, так и из общих закономерностей развития мировоззрения человека. Во-первых, это сформировавшееся у В. С. Соловьева в молодости положительное отношение к творчеству и личности Ф. И. Тютчева. Великий поэт был для русского философа духовным авторитетом. Во-вторых, имеется преемственность основных принципов мировоззрения мыслителя и многих идей поэта. В-третьих, целью статьи В. С. Соловьева была не критика, а возрождение интереса к творчеству Ф. И. Тютчева.

Единство философских и литературно-критических идей В. С. Соловьева, обусловленное целостностью его мировоззрения, очевидно. Для мыслителя, в мировоззрении которого в органическом единстве были слиты теоретический и художественный подходы к миру, философская реконструкция поэзии Ф. И. Тютчева представлялась вполне естественной. Он переносит на творчество поэта особенности организации своего философского мировоззрения, теоретизирует и систематизирует его. В результате из отдельных философских образов Ф. И. Тютчева конструируется целостная философская теория. Но эти образы не были единой системой. Например, именно системностью и широтой подхода к анализу проблемы можно объяснить включение В. С. Соловьевым «политической лирики» Ф. И. Тютчева в «общую философскую концепцию статьи», вызвавшее удивление некоторых авторов [1, с. 83].

В художественном отношении поэзия Ф. И. Тютчева не представляет собой провозглашения неких истин в последней инстанции, это скорее «разные голоса, спорящие, перебивающие и перебиваемые» [10, с. 243]. Кроме того, поэтические образы Ф. И. Тютчева зачастую являются достаточно противоречивыми. Однако настроенный на целостность творчества поэта В. С. Соловьев несколько преувеличивает христианские мотивы его лирики. Вывод об искреннем религиозном настрое Ф. И. Тютчева он делает лишь на основе стихотворения «О вещая душа моя!». Но у поэта можно найти и сомнение в божественной силе («Мужайся, сердце, до конца. / И нет в творении творца, / И смысла нет в мольбе») [21, с. 134]. Иногда он не уверен в живой душе природы («Природа – сфинкс! / И тем она верней / Своим искусом губит человека, / Что, может статься,

никакой от века / Загадки нет и не было у ней») [Там же, с. 289]. Наконец, в его лирике можно заметить даже языческое восхищение и упоение бездной («Нет, моего к тебе пристрастья / Я скрыть не в силах, мать-земля! / Духов бесплотных сладострастья, / Твой верный сын, не жажду я») [Там же, с. 129].

Исследователи отмечали философский подход В. С. Соловьева при изучении им лирики Ф. И. Тютчева. Так, А. М. Скабичевский писал, что В. С. Соловьев напустил в статье о Ф. И. Тютчеве «философского туману» и увидел «тайны мироздания» чуть ли не в каждой поэтической метафоре [9, с. 183]. С. Л. Франк заметил имеющуюся у мыслителя тенденцию вложить в поэзию Ф. И. Тютчева «слишком отвлечённо и доктринально выраженное философское мирозерцание» [19, с. 41]. В этом же русле и обвинение Е. Н. Трубецким В. С. Соловьева в том, что он изображает художественное мировоззрение Ф. И. Тютчева в философском ключе, как своеобразное сочетание пантеизма и христианства [20, с. 302]. Однако как философ В. С. Соловьев вполне имел право как на конкретно-образный, так и на абстрактно-теоретический анализ поэтических произведений. И в этом контексте синтез пантеизма и христианства в поэзии Ф. И. Тютчева не казался ему противоречием. Вряд ли стоит судить пристрастно гениального мыслителя, продемонстрировавшего оригинальный подход и применившего в рамках своего мировоззрения философские идеи в области литературной критики. Теоретическую реконструкцию творчества поэта можно оправдать и другим важным обстоятельством. Дух творчества Ф. И. Тютчева, воспринимаемый философом-поэтом В. С. Соловьевым в его универсальности и глубине, значил для критика-мыслителя больше, чем буква его творений (то есть полный анализ стихотворений). В этой связи неправильно обвинять философа в субъективном отношении к поэтическому материалу, как это иногда делают [1, с. 88].

Стремлением к философской реконструкции творчества Ф. И. Тютчева объясняется и то, что при оценке личности поэта мыслитель всегда рассматривал его интеллектуальные, художественные и нравственные качества в единстве, целостности. Так, В. С. Соловьев пишет, что его ум был вполне согласен с вдохновением, поэтическое творчество было полно «осознанной мысли, а его мысли находили себе только поэтическое, то есть одушевленное и законченное, выражение» [17, с. 472]. Характеризуя А. Ф. Аксакову, мыслитель отметил, что она унаследовала от своего отца «тонкий и живой ум при высоком строе мыслей и при большой чуткости ко всему хорошему» [Там же, с. 623]. Наконец, в письме В. С. Соловьева к И. С. Аксакову о поэте говорится как о человеке «чрезвычайно тонкого ума и чувства» [15, т. IV, с. 26-27].

Анализ статьи «Поэзия Ф. И. Тютчева» подтверждает большую близость мировоззрений великого русского поэта и В. С. Соловьева. Об этом говорит то, что мыслитель тяготится необходимостью критики творчества Ф. И. Тютчева. Практически нигде В. С. Соловьев не только не противопоставляет своей точки зрения и мнения поэта, но даже, по сути дела, не выделяет недостатков в его творчестве (что требуется от критика). Статья подчинена решению другой цели – превратить Ф. И. Тютчева из «второстепенного» в «первостепенного» поэта. Практически все идеи Ф. И. Тютчева, которые выделяются для рассмотрения, знакомы В. С. Соловьеву давно. Некоторые из художественных образов Ф. И. Тютчева повлияли на формирование В. С. Соловьева как мыслителя и поэта в начале его творческого пути. Взяв в художественном облике идеи и образы Ф. И. Тютчева, В. С. Соловьев развивает их на философском уровне, придавая им теоретическую форму и совершенство. Например, одушевленность природы и единство мира Ф. И. Тютчев показывал как художник слова, а В. С. Соловьев доказывал как мастер мысли. При этом В. С. Соловьев высоко оценил то, что Ф. И. Тютчев уже в какой-то мере осмысливал свои художественные образы.

Наследие Ф. И. Тютчева рассматривается В. С. Соловьевым как оригинальное и глубоко индивидуальное явление не только в поэзии, но и в мировой философской мысли. Для универсально мыслящего В. С. Соловьева, весьма успешно творившего в разных областях человеческого духа, философия и поэзия есть проявление некоего всеединства. Поэтому В. С. Соловьёв не только вполне осознанно исходит из целостности художественного наследия Ф. И. Тютчева, вводя понятие «система» в отношении его поэтики, но и на основе своего мировоззрения как бы «конструирует» его философскую позицию, дополняя недостающие, но вытекающие из логики творчества звенья. Вместе с тем статья «Поэзия Ф. И. Тютчева» является не только литературно-критической, в значительной степени она имеет характер мировоззренческой рефлексии В. С. Соловьева по отношению и к своему предшественному творчеству. Рассмотрение наследия великого русского поэта одновременно дает ему возможность изложить собственные философские идеи. Без влияния стихотворений и художественных образов Ф. И. Тютчева и философское учение, и поэтическое творчество В. С. Соловьева были бы заметно другими.

Список литературы

1. Асадулаева Г. Х. Поэзия Ф. И. Тютчева в оценке В. Соловьёва // Поэзия Ф. И. Тютчева: учебное пособие. Махачкала, 2003.
2. Емельяненко В. Д. Мировоззрение, творчество философа и повсёдневность (на примере отношений В. С. Соловьёва с С. П. Хитрово и С. А. Толстой, его пребывания в Красном Роге) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23). Ч. 1. С. 79-84.
3. Лахтина Ж. И. Тютчев и русская философская поэзия конца XIX века // В Россию можно только верить. Тула, 1981. С. 119-128.
4. Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьёве в его молодые годы: материалы к биографии: в 3-х кн. М., 1990. Кн. 3. Вып. 1. 358 с.
5. Минц З. Г. Владимир Соловьёв – поэт // Соловьёв В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель, 1974.
6. Носов А. А. Мне предказали много странствий // Соловьёв В. С. «Неподвижно лишь солнце любви...». Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Московский рабочий, 1990. С. 3-15.
7. Пасин В. С. Владимир Соловьёв в Красном Роге: очерк литературного краеведения. Брянск: Грани, 1994. 42 с.
8. Розанов В. В. Памяти Вл. Соловьёва // Вл. Соловьёв: pro et contra / сост., вступ. ст. и примеч. В. Ф. Бойкова. СПб., 2000. Т. 1. С. 187-201.
9. Скабичевский А. М. Курьезы и абсурды молодой критики // Новое слово. 1896. № 9. С. 176-197.
10. Скатов Н. Н. По высям творения // Наш современник. 2003. № 13. С. 239-261.

11. Соловьёв В. С. Великий спор и христианская политика // Соловьёв В. С. Сочинения: в 2-х т. / сост., подготовка текста и примечания Н. В. Котрелева и Е. Б. Рашковского. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 59-167.
12. Соловьёв В. С. Красота в природе // Соловьёв В. С. Сочинения: в 2-х т. / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; примеч. С. Л. Кравца и др. Изд-е 2-е. М.: Мысль, 1990. Т. 2.
13. Соловьёв В. С. «Неподвижно лишь солнце любви...». Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Московский рабочий, 1990. 445 с.
14. Соловьёв В. С. О лирической поэзии: по поводу последних стихотворений Фета и Полонского // Соловьёв В. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под ред. С. М. Соловьёва и Э. М. Радлова. СПб., 1911-1913. Т. 6. С. 234-260.
15. Соловьёв В. С. Письма В. С. Соловьёва: в 4-х т. СПб., 1908-1923. Т. II. 375 с.; Т. IV. 246 с.
16. Соловьёв В. С. Россия и Европа // Соловьёв В. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под ред. С. М. Соловьёва и Э. М. Радлова. СПб., 1911-1913. Т. 5. С. 82-157.
17. Соловьёв В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 701 с.
18. Соловьёв С. М. Идея Церкви в поэзии Владимира Соловьёва // Вл. Соловьёв: pro et contra. СПб., 2002. С. 549-563.
19. Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев: из наследия русской эмиграции / под ред. В. В. Кожина. М.: Русский мир; Жизнь и мысль, 2008. 379 с.
20. Трубецкой Е. Н. Миросозерцание Вл. С. Соловьёва. М., 1913. Т. 1. 652 с.
21. Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. М. – Л.: Советский писатель, 1987. 448 с.
22. Флоровский Г. В. Тютчев и Владимир Соловьёв // Путь. Париж, 1933. № 41.
23. Чжонг-Со Пак. Поэзия Владимира Соловьёва: проблема нравственного и эстетического идеала: автореф. дисс. ... к. филол. н. М.: МГУ, 1995. 28 с.
24. Шмидт Е. В. Владимир Соловьёв – «философствующий поэт» или «поэтизирующий философ»? // Соловьёвские исследования. Иваново, 2008. Вып. 18. С. 238-251.
25. Шмонина М. С. Тютчевский пласт в лирике В. Соловьёва // Русская филология. Тарту, 1999. № 10. С. 70-78.
26. Шмонина М. С. Функция тютчевских реминисценций в лирике В. Соловьёва // Русская филология. Тарту, 2000. № 11. С. 64-70.
27. Юрина Н. Г. Тема апокалипсиса в поэтическом творчестве Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. Иваново, 2012. Вып. 3 (35). С. 67-80.

V. S. SOLOV'EV'S WORLD OUTLOOK AND F. I. TYUTCHEV'S CREATIVE WORKS

Emel'yanenko Vladimir Dmitrievich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky
emelyanenko_@mail.ru

The article reveals the interrelation of the world outlook, philosophical and poetic creative works of V. S. Solov'ev and F. I. Tyutchev. It is shown that V. S. Solov'ev proceeds from the integrity of the poet's artistic heritage and basing on his world outlook – constructs his philosophical position complementing the elements arising from the logic of creative works. The thinker's world outlook reflection of his own creative works is also largely manifested in V. S. Solov'ev's estimations of F. I. Tyutchev's works.

Key words and phrases: world outlook; philosophical world outlook; poetic world outlook; philosophical-poetic world outlook; V. S. Solov'ev's philosophical world outlook.

УДК 130.30

Философские науки

Сущность феномена индивидуальной смерти коренится в логике мирового устройства. Предложен вариант структуры категории бытия. Выясняется значение конкретно-всеобщего компонента в смыслах жизни и смерти. Выдвинута философская гипотеза посмертного функционирования компонентов интегрально-социального субстрата индивида. Нескончаемому ряду всё более глубоких конкретно-исторических форм объективной индивидуальной смерти соответствуют углубляющиеся разновидности субъективного смысла смерти.

Ключевые слова и фразы: бытие; бесконечность; развитие; человеческий индивид; жизнь; биологическая и социальная смерть; смысл жизни; смысл смерти.

Засядь-Волк Юрий Владимирович, к. филос. н., доцент
Новосибирский государственный технический университет
juvolk@mail.ru

О ЛОГИКЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СМЕРТИ[©]

Сегодня мы знаем о сущности индивидуальной смерти человека немногим больше, чем три тысячи лет назад [15]. Непрояснённая сущность смерти индивида объясняется необыкновенной сложностью самого объективного феномена, логическая трактовка которого зависит от глубины постижения сущности мирового устройства. (Понятие «мир» означает «всё существующее вне моего сознания»). В переносном смысле термином «мир» может обозначаться целостная совокупность определённых явлений сознания, возможно и